

ХРОНИКА МЛЕЧНОГО ПУТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Кравец

Хроника Млечного пути

«Автор»

2026

Кравец Е.

Хроника Млечного пути / Е. Кравец — «Автор», 2026

Нас так волновал вопрос: «Одни ли мы во Вселенной?» Нет, не одни. Они нас заметили и прилетели просветить — сказать, что мир намного больше и гораздо опаснее, чем мы могли представить. Космос разрывает на части война. На кон поставлено больше, чем амбиции политиков на территориях и чужие ресурсы. Причина не в различии вер и не в старых обидах, истоки которых никто уже точно не помнит. Империя ведёт войну с машинами, и совсем скоро линия фронта окажется в нашей Солнечной системе. Хотим мы того или нет. Бежать нам было некуда. А оставаться значило одно — дать бой, к которому мы не были готовы. Космос, последний рубеж, который мы так и не успели покорить. Нас заставят забыть разногласия, сломают хребет старого мира и выжгут в наших головах прописные истины Империи. Из нас сделают воинов — тех, кто защитит человеческие миры от бездушной машины. Многие погибнут во славу Империи, и их места займут новые рекруты

© Кравец Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Кравец

Хроника Млечного пути

Пролог

Нас так волновал вопрос: «Одни ли мы во Вселенной?» Нет, не одни. Они нас заметили и прилетели просветить — сказать, что мир намного больше и гораздо опаснее, чем мы могли представить.

Космос разрывает на части война. На кон поставлено больше, чем амбиции политиков на территориях и чужие ресурсы. Причина не в различии вер и не в старых обидах, истоки которых никто уже точно не помнит.

Империя ведёт войну с машинами, и совсем скоро линия фронта окажется в нашей Солнечной системе. Хотим мы того или нет.

Бежать нам было некуда. А оставаться значило одно — дать бой, к которому мы не были готовы. Космос, последний рубеж, который мы так и не успели покорить.

Боевые армады имперского флота бороздят Млечный Путь, собирая с планет десятину. Кровавый долг, который должен быть уплачен всеми. Но Землю ждёт другая участь.

Нас заставят забыть разногласия, сломают хребет старого мира и выжгут в наших головах прописные истины Империи.

Из нас сделают воинов — тех, кто защитит человеческие миры от бездушной машины. Многие погибнут во славу Империи, и их места займут новые рекруты.

Глава 1 «Глаз бури»

Ветер выл в проводах. Таскал листовки о мобилизации по грязным улицам Архангельска. Он дышал на меня сквозь деревянную раму; она не была преградой, скорее разжигала его пыл. Осеннее дыхание было влажным, холодным и злым. Казалось, он хотел отобрать всё тепло у домов, оборвать все жёлтые листья с кущих деревьев.

По улице урча дизелем прополз зелёный Урал. Патруль. Новые хозяева города. Армия. Власть перешла к ним по праву силы, немного ушло времени на потерю цивилизованности. Или мы просто перестали притворяться.

Нас ловят, загоняют, манят едой и медикаментами, давят на чувства патриотизма. Меня же всё это не трогало. Я просто хотел выжить, собственно как и обычно.

Они все время хотят чего-то от тебя. Купи это или то. Жить нужно именно так и не как иначе. Всем да боли в зубах понятна истина, ну кроме тебя, не разумного дурака с чувством совести. Теперь они пришли забрать последнее, мою свободу.

На вечернем небе я видел их — блестящие точки. Такая мелочь. Просто песчинки, если смотреть отсюда с Земли. Но именно из-за них мир затаил дыхание. Сейчас даже завод, на котором я работал, стоит без дела — просто встал, станки остановились, а работники были распущены.

Я рухнул на старый диван. Тот принял меня с протяжным скрипом, будто вздохнул. Обои на стенах были с пятнами жира возле плиты. Влажные подтеки спускались с потолка до самого пола.

В углу под потолком, разрасталась плесень, захватывая стену и обживая новые территории. Чёрный грибок не отмывался; химия, которой я его травил, сделала колонию только сильнее.

Стол был завален пачками из-под макарон и пельменей. Пустые консервные банки служили теперь пепельницами и маленькими мусорными бачками.

Чёрный мусорный мешок давно просился на улицу, по размеру он уже напоминал второго жильца. Но он всё так же оставался у меня в плену, возможно пора дать ему имя. Вилсон? Неее, Вовчиком будет. Вова—Черный или Вова—Мусор. Ну все имя есть, даже кликуху подобрал.

От раздумий в животе заурчало. Сейчас перекусим.

Нож легко вскрыл последнюю банку тушёнки. Обычно я ел консервы на природе в походах у костра. Это была почти традиция, въевшаяся в подкорку. Даже холодная она показалась мне самым вкусным, что я ел в жизни. Может от того, что она последняя.

Не нарушая походной традиции, я докурил сигарету. Сизые клубы дыма поплыли по комнате. Их движение нарушал сквозняк: ветер не мог оставить в покое даже дым.

От каждой затяжки уголёк сигареты вспыхивал, словно мерцающая звезда.

Из раздумий меня выдернул удар в дверь. Тарабанили так, что щепки летели. Ну, вещи собирать не придётся — их у меня попросту нет. Я посмотрел на Вовчика, но тот даже не шелохнулся. Ленивый мешок мусора. Походу дверь открывать придется мне.

— Эй, есть кто? — раздался не особо трезвый голос. — Я сосед с пятого. У меня водка есть, а выпить не с кем.

— Погоди! — крикнул я, давя прикуренную сигарету об банку из-под тушёнки. — Сейчас открою.

Гостем оказался старый мужик в спортивном костюме и накинута на плечи кожаной куртке. На пальцах виднелись старые татуировки, отдающие блатной романтикой. Сутулый, невысокого роста и абсолютно лысый.

— Привет, браток. Я тут в каморке полянку накрыл. В общаге, похоже, только мы и остались. Рванули, погудим напоследок? Меня Седой кличут.

Я вопросительно уставился на блестящую голову гостя, что не осталось незамеченным.

— Раньше звали Братан, — улыбнулся Седой, проводя рукой по голове. — Тебя как звать?

— Артём.

— Хорошо Артем. Мусора сейчас город шерстят. Нужно на дно залечь. Всех кто отсвечивал, упаковали уже.

Седой пахнет тюрьмой и бедой. Идти с ним — последнее дело. Но он пахнет ещё и жизнью, какой-то грязной, вороватой, но яростной жизнью.

Еда закончилась, а каждая вылазка была как последняя. Решение созрело само: я пошёл за ним, уже ненавидя себя за эту слабость. Выбор без выбора, очередной парадокс жизни.

— Ну ты браток, ещё тот болтун. Погнали на первый этаж, это я мигом — соседей проверю.

Подойдя к соседней комнате, Седой достал из кармана отвёртку и в пару уверенных движений вскрыл нехитрый замок. Из комнаты он вышел с набитым пакетом и радостно подмигнул мне.

— Всё, погнали, братуха! — сказал Седой, взяв курс в сторону лестницы.

— Седой, я что-то тебя не припомню. Я здесь уже пару лет живу.

— Да я это... недавно тут. Пару месяцев. Вышел недавно. Ты это не подумай, я вор, а не убийца.

— Ты как патрулям-то не попался?

— Днём солдатиков много, — продолжил Седой, словно говоря сам с собой. — Я по ночам хожу в основном. Их калымаги за полтора квартала слышно. Даже на одной ноге успеешь упрыгать.

Кладовка была ковчегом. Но не для людей — для еды.

Добротный стол прогибался под угощениями. На большинство из них я раньше мог только смотреть сквозь витрины, обещая себе купить с зарплаты. Так пировали победители. Наш же пир был украден и собран, из осколков чужого счастья.

В центре стоял хамон — нетронутая свиная нога, припасённая на особый случай.

По углам лежали вороха вещей, техники и бесполезные пачки бумаги с мёртвыми президентами. Только золото в полутьме ещё пыталось блеснуть, силясь доказать свою значимость. Напрасный труд. Всё это был хлам. Атрибуты умершей жизни, приговорённые к распылению вместе с нами.

— Ну что, заходи, гостем будешь? — указав на одно из кресел, сказал Седой.

— Тут хоть конец света переждать можно.

— Так это он и есть, — рассмеялся Седой. — Садись в первый ряд. Сегодня будем праздновать! Набивай брюхо братан! А после — важный разговор будет.

Первая стопка зашла хорошо, приятно обжигая горло. После второй мы уже начали закусывать и потихоньку обсуждать обстановку в стране.

Седой хотел свалить в лес. Занять одну из лесных избушек либо вырыть землянку и уже там ждать, пока пыль осядет.

Он искал себе напарника, видимо, боялся озвереть в одиночестве.

Я же старался вообще не планировать. Слишком много переменных, чтобы думать наперёд. Мы были как камни на дне реки: течение несло, а мы лишь глухо бились друг о друга.

После пары бутылок Седого потянуло на рассказы, но не о воровских подвигах, как я ожидал, а о совсем другом... о корнях.

— Ты вот прикинь, у меня же дочка была. Светочка. Ангелочек мой. Не дождалась батюку, умерла... Меня к ней даже на похороны не пустили из колоний. Мусора чертовы. Думал, выйду — завяжу с кражами. Пойду слесарем или ещё куда.

Первая ходка — по дурости, как у всех. В колледже машину угнал... У соседа иномарочка была, белая такая, красивая. Захотелось обкатать кобылку, ну и через неделю уже сидел за решёткой.

После отсидки на работу не брали. А доченька болела часто. Вот я и начал опять воровать. Второй раз сел уже за кражу в группе лиц, дали по червонцу каждому. Мда... Если в карты не везёт — не садись играть.

— Ну давай за упокой души тогда.

— Ага, не чокаясь, — сказал Седой, словно на глазах превращаясь в старика. — Меня родители в детский дом сдали. Я себе ещё там зарок дал, что своих детей никогда не брошу. Детский дом, мля... Он не для детей. Он — та же зона, только для самых маленьких.

Кладовка всё больше напоминала захламлённую кухню из детства: пустые бутылки на полу, густая пелена дыма, невнятные полуфилософские бредни. Беседы не имели ни начала, ни конца, расплываясь по комнате, как тот самый дым. Окурки уже просто летели на пол, падая в стеклянный могильник бутылок.

Пару раз мы слышали, как по громкой связи раздавались призывы: «Внимание, граждане! Собраться на главной площади... Гуманитарная помощь, эвакуация...» Их голоса были плоскими, как звук метронома.

Пропавшее электричество не стало помехой. Зажжённые свечи и фонарики стали островками света в море темноты. Подсвеченное лицо Седого казалось мифическим, злым, потёртым. Пляшущий свет иногда показывал бесов в его глазах.

Несмотря на толстые стены, мы слышали очереди — сухие, отрывистые. Ухающие взрывы где-то на окраинах. Кто-то ещё пробовал огрызнуться в последний раз. Боролся за свободу, которую уже отгрузили на другие планеты.

Я был на грани. Алкоголь не был товарищем. Он был соавтором моего падения, лишь разбавляя тоску физической тошнотой. А те, кто говорят обратное, явно не ныряли в эту бездну.

Только забыться. Уйти от самого себя хотя бы на час... Был ли я одинок в этом? Ну конечно же нет. В памяти всплыли образы китов. Их движения размерены, неторопливы. Под чудовищной толщей воды они протяжно стонут на частоте, которую не слышно... Просят о чём-то, зовут к себе в бездну.

Пробуждение было грубым. Из пьяных снов меня выдрали пинком в бок. Я свалился на пол, разметав хрустальное кладбище бутылок. Липкий от похмельного пота, в крошках пепла от сигарет.

Первое, что я увидел, — две пары ног.

Высокие берцы были чисто вычищены и туго затянуты. Наше свинство явно оскорбляло их уставную опрятность.

— Вставай, уклонист хренов, — проорал полицейский.

— Второй, похоже, живой. Хотя по запаху не скажешь, — раздался голос помоложе. — Ещё парочка бомжей-мародёров. Я его и трогать-то не хочу. Товарищ капитан, может, к чёрту их?

— Отставить, сержант. Буди старого и пакуем их. Это последние на сегодня.

Двое были в чёрной полицейской форме, с АКС-74У на ремнях. Капитан с нескрываемым брезгливостью смотрел то на меня, то на хаос в кладовке. Из открытой двери тянуло холодом.

После очередного пинка в себя медленно начал приходить Седой.

— Оба, мусора, — констатировал бывший сиделец. — Что, соседи пожаловались?

— Юмор — это хорошо, — сказал капитан. — А теперь — на выход. Весельчак, подпрыгнул и вышел. Повторять не буду.

— Шас, командир... Шнурки на валенках завяжу — и всё будет.

С этими словами Седой сделал вид, что пошатнулся. И рванул. Резко, по-кошачьи, выхватив нож из-за голенища.

Но реакция капитана была отработана до автоматизма. Помещение озарилось всполохами очереди. Комнату заполонил запах пороха. Гильзы упали на пол, растворившись в ворохе нашего мусора.

— Ну вот, ещё один грех на душу, — бросил капитан.

В ушах ещё звенело, когда дымящийся ствол, тёплый, почти живой, упёрся мне в лоб. Способный даровать покой.

Это слабость — желать смерти? Но я желал, желал облегчения, покоя. Пустота въелась в душу, как плесень в стены общаги. Она съедала меня день за днём. Я вжался в ствол, закрыл глаза...

— На выход, бомжара! Второй раз предлагать не буду!

Собравшись с силами, я придал своему полужидкому телу вертикальное положение. Голова раскалывалась, горло пересохло, тело бил озноб. Алкоголь выставил счёт.

Перед тем как выйти, я окинул взглядом наш последний причал.

Мрачная прокуренная комната. И в углу — Седой, раскинувшийся на куче купюр и золота. Казался спящим. Если бы не лужа, тёмная и вязкая, медленно ползущая из-под него.

Глядя на него, я понял: у каждого своя петля. Кто-то затягивает её сам, кому-то судьба подставляет табурет.

Он мог бы уйти в лес, как хотел. Мог бы сразу пропасть с радаров, срубить избушку на берегу озера и остаться живым. Но он теперь навечно останется лежать тут. На сокровищах, которые больше не играли никакой роли в новых реалиях жизни.

— Передай привет дочке, увидимся, браток!

На улице было темно, моросил осенний дождь. Пронизывающее дуновение ветра принесло запах гари и перемен. По спине пробежала волна могильного холода, а сердце сжалось в кулак. Под светом фонаря меня ждал ПАЗик тёмно-зелёного цвета.

— О чём задумался, обморок? Грузись давай. — Ткнув в спину автоматом, сказал сержант.

В салоне сидел сброд — по-другому не назовёшь. Пара людей в камуфляжной форме с побитыми лицами. Не военные, скорее ветераны недавних войн, ещё не пришедшие в себя после войны. Была и парочка мятых мужичков, давно не видевших мыла, точно любящих раздавить по бутылочке крепкой на выходном. Ну и, конечно, целая группа тех, к кому заочно причислили меня. Подвальные диггеры, расхитители цветных металлов, искусные психологи, знающие Достоевского наизусть. Одним словом — бомжи.

Из общей картины выделялся солидный мужчина, занимавший своей солидностью сразу два места. Одет он был в строгий костюм и очки с золотой оправой. В его руках был хороший кожаный портфель. Он был идеально причёсан и подстрижен. Хоть сейчас на банковский плакат.

Похож он был на депутата или руководителя крупной фирмы, чистокровный управленец. На мой же взгляд, очередной упырь, для которого люди просто грязь, под его дорогими туфлями, купленными в солнечной Италии.

Жирный тоже смерил меня взглядом, в котором читалось только пренебрежение, смешанное с отвращением. Странно, что он нос не заткнул, чтобы показать своё пренебрежение.

— Последнего бомжа забрали? — едко прыснул Пузырь. — Ну ничего, доедем — и я вас всех разжалую. Будете у меня толчки чистить. Меня? В автобус! С этими отбросами! Да вы знаете хоть, кто я?

— Завались, Хлебников! — крикнул капитан. — Всё на сегодня, едем на базу Петрович.

— Доедем — устрою тебе звездопад! Капитанчик хренов. Со мной так нельзя, и это ты скоро поймёшь. Только вот поздно будет, псина служивая.

— Тебя может вежливости научить, Хлебников. Или дырку новую в голове прокалупать?

Пузырь обиженно отвернулся к окну, бубня проклятия себе под нос. Он представлял как капитана с сержантом будет песочить начальник, как они будут извиняться перед ним, стоя по струнке смирно сгорая от стыда.

Я приземлился на свободное место, подальше от Пузыря. Мне и так было тошно от всех этиловых спиртов, что бурлили в моём организме.

Мотор автобуса заурчал и мы двинулись в сторону базы. Ехали мы медленно крадась, иногда объезжая брошенный транспорт. Сам город был погружён в полутьму, одинокие фонари ещё горели на паре улиц.

В домах света не было. Люди, если и занимали ещё не успевшие остыть квартиры, старались вести себя тихо, незаметно. Сейчас казалось, что вообще весь мир затаил дыхание.

За окном проплыл сгоревший остов большого внедорожника с обгорелой мумией водителя. Его кузов был богато изорван попаданиями крупного калибра.

Рвался к свободе, шёл на пролом, за что и заплатился. Тоже был суперважный человек, для которого другие не указ, как наш Хлебников.

Звать я его теперь буду «Пузырь». Слишком сильно он надулся из-за своей важности. Вот-вот лопнет, главное что-бы меня не забрызгал.

Автобус завёз нас к Областной больнице, стоящей в пяти минутах от Северной Двины. Из окна я успел увидеть мост, идущий в Соломбалу.

Его уже как пару лет пытались отремонтировать. Но дальше громких заявлений дело не шло. Как обычно, всё упёрлось в финансирование, а распиленный бюджет не мог себе этого позволить. Хотя, возможно, по документам там уже стоял новый, я бы вообще не удивился.

Я смотрел на город по-новому, словно на девушку, смывшую макияж и снявшую все разноцветные шмотки. Он был таким, как есть, стал настоящим. Такими становятся все, стоящие на краю.

Старые здания казались ещё более древними, теперь каждая трещина бросалась в глаза. Каждая ржавая труба вызывала отвращение. Каждый балкон, похожий на мусорный бак.

Граффити на стенах, похожие на каракули умственно отсталого. Рекламы магазинчиков в интернете, где торгуют ядом. Ну неужели нам всем было настолько плевать, где мы живём, как мы живём?

Светофоры, не знавшие покоя, тоже были мертвы, они выполняли свой долг до последнего. Лишь на небе светили звёзды, они, как всегда, были на своём месте.

Огромный медицинский комплекс теперь был переоборудован под военные нужды. Периметр укрепили мешками с песком, на крыше стояли боевые точки ПВО. КПП охраняли две БТР. Возможно один такой зверь и изрешетил внедорожник.

По колючей проволоке прошёл луч прожектора. Суровые солдаты начали подходить к автобусу. Я отсюда не выберусь — прозвучало в голове.

Солдат было много, судя по форме — здесь были почти все, от ВВ до спецназа. Военная элита собралась в тугой узел.

Словно Девятое мая, на котором можно было увидеть военных из всех войск. Только вот повод никак не был связан ни с праздником, ни тем более с победой.

Это были остатки нашей армии, остальные были уже забраны Империей. И как знать, возможно уже сражались на новой для себя войне с неведомым врагом.

Увидев такое в юном возрасте, я бы сломя голову побежал в ближайший военкомат. Сейчас мне было наплевать, кем я стану. Ниже пола не упадёшь. А вот на генерала, ползающего на пузе в грязи я бы охотно посмотрел.

В жизни такие часто учат жизни, читая бравады о духе воина или о том, как должен выглядеть мужчина. Но для таких обычно перекаладина турника уже непреодолимый рубеж. Как и пятый этаж без лифта.

Вся атмосфера навевала чувство нереальности происходящего, словно это был фильм или дурной сон. Такое просто не укладывалось в моей голове.

Мне не верилось от чего ноги стали ватными. Хотелось проснуться и забыть этот сон. Вспышка головной боли вернула меня в мир. Нет ничего более правдоподобного чем боль.

—Так граждане, конечная, — подал голос сержант.

Я ждал шутку про оплату проезда, но таких остряков не нашлось, что не могло не радовать.

Как только автобус остановился, Пузырь метнулся молнией к выходу, расталкивая всех на своём пути.

Пёс сорвался с цепи. Сложно было представить, что человек таких габаритов способен на такую проворность. Спрыгнув почти на ходу, он молнией метнулся к ближайшему офицеру, обильно махая кулаками и брызжа слюной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.